

Где скрывается [й]?

О.Е. Вороничев

Развитый фонематический слух у младшего школьника – не только непременное условие постижения основ фонетики, в том числе правильного слогораздела и фонетического анализа слов, но и важнейший базовый фактор усвоения следующих уровней языковой системы – словообразовательного и грамматического. Между тем в школьной практике при словообразовательном анализе фонематический облик слова все еще нередко подменяется графическим, что приводит к принципиальным ошибкам и искажению реальных фактов языка. Учитель не должен забывать о том, что графика выполняет в языке хотя и важную, но вторичную, «обслуживающую» функцию по отношению к фонетике, поскольку призвана в первую очередь обеспечить передачу фонематического состава слова на письме, но не всегда справляется с этой задачей.

Словообразование и грамматика должны базироваться на фонематическом, а не на графическом облике слова, т.е. на том, как мы говорим, а не пишем. Л.В. Щерба в своей первой научной работе «О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета» очень точно выразил эту мысль: «...наблюдать полезно то, что живет, так сказать, полной жизнью и свободно развивается – таков произносимый язык; язык же написанный является до некоторой степени мертвым языком и лишь насильно вталкивается школой в наши умы», в связи с чем «существующие грамматики русского языка никуда не годятся, так как они не основаны на изучении этого языка». Свой вывод ученый подтвердил примерами из современных ему школьных учебников, авторы которых забывали о том, что

при анализе важнейших грамматических категорий нельзя смешивать звуковой облик слова с буквенным [7, с. 14–20].

Однако это обстоятельство и сегодня далеко не всегда учитывается, что приводит к разногласиям в авторитетных учебных изданиях. Например, Л.Д. Чеснокова в пособии «Трудные случаи морфологического разбора» [4, с. 46] относит качественно-относительные прилагательные с основой на шипящий к мягкому варианту склонения, отталкиваясь от буквенного облика окончаний, которые, например, у прилагательного *хороший* будут такими же, как у *синий* – ср.: *-ий, -его, -ему, -им, -ем, -ее, -ие*. Исключение составляют лишь окончания форм И. и В.п. ж.р.: *хорошая, хорошую*. Более объективной представляется позиция Н.В. Костроминой и других грамматистов, считающих, что «прилагательные с основой на *ж, ш, ц* следует относить к твердой разновидности, так как эти согласные в современном русском языке твердые, а написание в окончаниях гласных *и, е* объясняется традиционным принципом орфографии, отражающим былую мягкость этих согласных. Произношение же окончаний прилагательных с основой на *ж, ш, ц* такое же, как и у остальных прилагательных с твердой основой» [2, с. 96]. Действительно, сравнение звукового облика безударных флексий прилагательных *хороший* и *зеленый* приводит к выводу об их абсолютной идентичности в любом падеже, роде и числе: [-ьй], [-ъвъ], [-ъму], [-ым], [-ъйь], [-ьйь] и т.д.

В то же время существуют и объективные противоречия между школьным минимумом и вузовским относительным максимумом объема знаний о фонетике, между которыми вполне может быть найден разумный компромисс. Основная причина этих несоответствий в том, что в школе фонема и звук отождествляются как понятия и, изучая звуки, школьники фактически анализируют фонемы. Поэтому в вузе по правилам фонетической транскрипции, например, конечная *e* в слове *пение* обозначает звуки, а точнее, аллофоны [j̥] как позиционные варианты фонем <j̥>, поскольку два этих конечных звука могут быть поставлены в сильную позицию в однотипном слове *бытие* – *быти*[j̥]. Но в обоих вариантах транскрибирования для словообразования и грамматики важно то, что последняя буква обозначает два звука (или фонемы), первый из которых входит в состав основы – в суффикс *-ни*[j̥] (или *-ни*<j̥>-), а второй – [ь] или <э> – является окончанием в чистом виде.

Таким образом, самое главное в школьном изучении словообразования (при условии предварительного усвоения фонетики и развития фонематического слуха) – уметь видеть (вернее, слышать) в букве два звука и точно ограничивать основу от окончания, а не смешивать их.

Еще век назад, в 1903 г., на Первом съезде преподавателей русского языка военных учебных заведений академик Ф.Ф. Фортунатов предостерегал своих коллег от подобных ошибок: «Если учитель говорит, что в слове *удовольствие* основа имеет суффикс *-стви*-... (он) не только расходится со свидетельством современного русского языка, но, вследствие смешения букв со звуками, неправильно определяет и самую основу в слове *удовольствие*, равно как и тот суффикс, который некогда выделялся из нее: в слове *удовольствие*, *удовольствия* и т.д. основа оканчивается не на *и*, но на неслоговой звук *j* (*удовольствије*), для которого наша азбука не имеет особой буквы» [3, с. 444].

О разграничении при анализе морфемной структуры слова его звукового и буквенного облика пишет и Н.М. Шанский, подчеркивая, что «для правильного выделения окончания в словах *мечтаю*, *змея* и т.п. (оно будет одновременно и верным определением основы) важно (собственно говоря – совершенно обязательно) учитывать, что буква *ю* после гласной (буквы *а*) обозначает два звука *й* (*j*) и *у*, а буква *я* после буквы *е* – звуки *й* (*j*) и *а*» и что эти слова «делятся на основу и окончание таким образом: *мечтай-у*, *змея-а*, и окончания в них, следовательно, точно такие же, как в словах типа *иду*, *вода* и т.д.» [6, с. 293].

В школе, вследствие смешения фонем со звуками, *e*, *ё*, *ю*, *я* в словах *пение*, *копье*, *гербарий*, *армия* и т.п. транскрибируются как [йэ], [йо], [йу], [йа], т.е. в квадратные скобки берутся не звуки, а фонемы, и для обозначения [j̥] (*и* неслогового, слабого позиционного варианта фонемы <j̥>, и ее самой – в доминантном варианте) используется буква *й*. С этим обстоятельством можно примириться, так как в начальной школе не изучаются неслоговые и редуцированные гласные. Однако четко слышать и выделять конечный звук основы, т.е. правильно определять ее границы и точно отделять окончание, ребенок должен уметь, и лучше всего на практике делать это в линейной последовательности: *пени*[j̥] [э] (ср.: *пени*[j̥] [а], *пени*[j̥] [у] и т.д.).

Во избежание ошибок ученик должен перед выделением окончания у слов, оканчивающихся на *e*, *ё*, *ю*, *я* в позиции после гласной буквы или разделительного мягкого знака, просклонять или проспрягать эту часть речи, подобрать соотносительные родовые и числовые флексии, т.е. проанализировать всю систему формоизменения слова, стараясь отчетливо проговаривать его концовку, чтобы «спрятанный» в этих буквах *j* (= *й* в школе) не потерялся и был хорошо слышен, что позволит беспрепятственно выделить окончание «в чистом виде», т.е. как фонему у существи-

тельных женского и среднего рода на *-ея, -ая, -оя, -уя, -ш, -ья, -ие, -ье*: *шея* (*ше[й̆-а]*); здесь и далее транскрипция дается в школьном упрощенном варианте), *стая* (*ста[й̆-а]*), *хвоя* (*хво[й̆-а]*), *струя* (*стру[й̆-а]*), *линия* (*лини[й̆-а]*), *учение* (*учени[й̆-э]*), *свинья* (*свин[й̆-а]*), *желанье* (*желан[й̆-э]*), *воронье* (*ворон[й̆-о]*); поможет установить, что [й̆] является конечным согласным основы у существительных м.р. типа *край, герой, буй, планетарий* или *иней* (сопоставление падежных форм позволяет выделить в начальных формах этих слов нулевое окончание, поскольку при их словоизменении оно материализуется: *ине[й̆-а]*, *планетари[й̆-а]*, *ине[й̆-эм]*, *планетари[й̆-эм]* и т.д.). Тот же входящий в основу [й̆] «прячется» после разделительного ь или *и* перед другой буквой и во мн. ч. этих существительных: *вороб[й̆-и]*, *руч[й̆-и]*, *станции[й̆-и]*, *гени[й̆-и]*.

В Р.п. мн. ч. у подобных существительных – в основном 1-го (школьного) склонения, как и у существительных м.р. 2-го скл. в И.п. ед.ч., – конечный звук основы материализуется в соответствующей букве *й̆*, в связи с чем Н.М. Шанский указывает на необходимость выделения «нулевого окончания в словах *судей, сыновей, лекций, шалуний* и т.п., в которых *-ей, -ий* может быть понято иногда как флексия, в то время как *-ей* представляет собой часть суффикса (*-овей*), указывающего на множественное число (ср.: *сын*), а *-ий* – суффикс в слове *лекция* (ср.: *лекция* – *лектор*) и видоизменение суффикса *-j-* в слове *судей* (ср.: *судья* – *суд*) и *шалуний* (ср.: *шалунья* – *шалун*)» [5, с. 119]. Если сравнить с примерами Н.М. Шанского слова *кол, клин, лист, перо, друг, зять* и т.п., то у них в падежных формах мн. ч., как и у *сын*, появляется формообразующий суффикс *-j* (*й̆*), но остается нематериализованным в соответствующей букве, и его тоже необходимо слышать и обозначать в транскрипции: *коль[й̆а]*, *клин[й̆а]*, *лист[й̆а]*, *пер[й̆а]* и т.д.

Точно так же анализ фонематического состава словоформ притяжательных прилагательных типа *лисий, волчий, ребячий* или *разбойничий* не позволит механически выделить *-ий* (по аналогии с качественными прилагательными *синий, свежий* и т.п.) как окончание, поскольку [й̆] остается во всех словоформах, ср.: *лись[й̆-а]*, *лись[й̆-у]*, *лись[й̆-их]* и т.д. Следовательно, в начальных формах этих слов *-ий* – суффикс (с предшествующим беглым гласным *и*), а окончание – нулевое: *волчий*□, *разбойничий*□ и т.д. Остается [й̆] в конце основы и при формоизменении порядкового числительного *третий*, собирательных числительных *двое* и *трое*, притяжательных местоимений *мой, твой* и *свой*, вопросительного-относительного *чей* и производных от него отрицательного *ничей* и неопределенных *чей-то, чей-либо, чей-нибудь, кое-чей*.

У глаголов суффиксальный [й̆] таится в йотированных гласных в личных формах настоящего (для несов. вида) и простого будущего (для сов. вида) времени: *ль[й̆-у]*, *сошь[й̆-у]*, *лета[й̆-у]*, *передела[й̆-у]* и т.п. и соответственно считается показателем формообразующей основы настоящего или простого будущего времени, оставаясь в основе каждой личной формы (ср.: *ль[й̆-о́м]*, *ль[й̆-о́т'э]*, *ль[й̆-о́т]*, *ль[й̆-у́т]*).

Учащиеся должны на следующих этапах изучения языка точно определять границы данной основы во всех образующихся от нее неличных формах. Например, от основы настоящего времени переходного глагола несов. вида *читать* образуются, как известно, формы действительных и страдательных причастий настоящего времени: *чита[й̆-ут]* → *чита[й̆у]щий*, *чита[й̆э]мый* и другие падежные, родовые и числовые формы этих слов, а также деепричастие *чита[й̆а]*, а в повелительном наклонении подобных глаголов суффикс формообразующей основы настоящего или простого будущего времени становится графически

выраженным, т.е. здесь фонема <j> обозначается на письме буквой *й*: *чита^й*, *бросай^й* и т.п. Следовательно, при механическом выделении в причастии *читающий* графического суффикса *-ющ-* также допускается принципиальная ошибка, поскольку в этом слове три, а не два суффикса – в силу того, что буква *ю* обозначает два звука, первый из которых [й] – суффикс формообразующей основы, а второй [у] – входит в суффикс основы словоформы: *чита^йу^йщ^йий*. Вот почему при изучении грамматики фонематический состав слова имеет не меньшее значение, чем при изучении словообразования. Эти знания способствуют созданию у школьника целостного представления о разноуровневой системе родного языка, хотя и не всегда имеют практическое значение в угоду «идолу правописания», которому сегодня все еще поклоняется школьная методика, оставляя без внимания важнейшие для формирования полноценной языковой личности факты языка, логику его строения и тенденции развития.

К сказанному следует добавить, что представление о фонематическом облике слова не только способствует точному установлению границы формообразующей основы или основы словоформы, но и иногда помогает найти в слове корень, скрытый в йотированной букве в абсолютном начале слова. Например, в формах Р. и Д. п. личного местоимения *он* появляется исторически сложившаяся супплетивная (т.е. внешне инокорневая) основа и корень может быть точно выделен лишь с учетом двойного фонетического значения начальной буквы: *его*, *ему* – соответственно [й-э]го, [й-э]му.

После предлогов корневой *й* меняется на *н*: с [н']его, к [н']ему, за [н']им, о [н']ём, что также связано с историческими словообразовательными процессами [1, с. 330–331].

Вместе с тем нужно помнить, что у омонимичного притяжательного местоимения *его* следующая за

корневым [й] морфема является уже не окончанием, а суффиксом, поскольку это неизменяемое слово.

Итак, приведенные аргументы еще раз убеждают в том, что все уровни языковой системы тесно взаимосвязаны и без усвоения одного невозможно успешное овладение другим, как и всеми в комплексе. Следовательно, при анализе морфемной структуры или форм изменения слова необходимо основываться в первую очередь на его звуковом, а не буквенном облике, и можно рекомендовать учителю членить слова на морфемы только таким образом: *стая* – *ста[й] [а]*, *муравьи* – *муравь[й] [и]*, *знание* – *знани[й] [э]*, *теряю* – *теря[й] [у]*, *заячьего* – *за[й] а[ч]ь[й] [э]го* и т.д.

Литература

1. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1964.
2. Костромина Н.В. и др. Русский язык: В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1989.
3. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 2. – М., 1957.
4. Чеснокова Л.Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. – М.: Высшая школа, 1991.
5. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1959.
6. Шанский Н.М. Русский язык на «отлично». – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998.
7. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957.

Олег Евгеньевич Вороничев – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания факультета начальных классов Брянского государственного университета.